

КАРТИНА МИРА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

А.И. Афанасьев

В методологии науки давно существует термин «картина мира», часто дополняемый словами «научная» и «общая». Общая научная картина мира должна включать широкие горизонты систематизации знаний и интегрировать наиболее важные достижения естественных, гуманитарных и технических наук ([7], [8]). Между тем представления об общей научной картине мира складывались почти исключительно на основе анализа естественных наук, из-за чего ее долгое время практически отождествляли с естественнонаучной картиной мира. Это имело известные основания, поскольку естествознание могло говорить обо всем универсуме как бы от имени всезнающего Субъекта.

Однако в конце XX века были подвергнуты критике, казалось бы, незыблемые основы общей научной картины мира. Методологи пришли к осознанию уязвимости позиции субъекта как незаинтересованного наблюдателя, ограниченности универсалистски-рационалистических научных представлений, лежащих в основе общей научной картины мира. Бурное развитие гуманитарных наук, проникновение их понятий и методов в социальные и естественные науки, заставили методологию науки все чаще обращаться к категориальному базису и методам гуманитарных наук. Современные методологические и научные исследования включают ценности и цели субъекта в научную картину мира и теоретические описания. Однако вряд ли правомерно говорить о вытеснении естественнонаучной картины мира гуманитарной или о возникновении гуманитарной картины мира в том же смысле, какой вкладывается в понятие общенаучной или даже естественнонаучной картины мира, хотя бы из-за того, что предмет гуманитарных наук не охватывает всего мира. Симметрия естественнонаучного и гуманитар-

нонаучного тут, по-видимому, отсутствует.

В то же время наличие общей научной картины мира подразумевает существование частных научных картин мира, «дисциплинарных онтологий» [8]. Они представляют собой обобщенные схемы — образы предмета исследования, посредством которых фиксируются основные характеристики изучаемой реальности. Эти образы часто именуется специальными картинами мира. Термин «мир» применяется здесь в специфическом смысле — как обозначение некоторой сферы действительности, изучаемой в данной науке: «мир физики», «мир биологии», «мир психологии» и т. п. Но если есть мир гуманитарных наук, логично говорить о картине именно этого мира. Тогда картина мира гуманитарного знания, гуманитарная картина мира, не являясь общенаучной, может выполнять относительно своего предмета те же функции, которые выполняет любая частная, специальная, научная картина мира. Гуманитарная картина мира, уступая естественнонаучной картине в широте охвата реальности, вряд ли уступает ей в значимости.

Цель настоящей статьи ограничим попыткой выяснения специфики гуманитарной картины мира как картины некоторого фрагмента реальности, который изучают гуманитарные науки.

Представления о различных мирах имеет длительную интеллектуальную традицию. Уже в древнегреческой мифологии различались три самостоятельных мира: космос как воплощение порядка, хаос как его отсутствие, Тартар как мир смерти. В античной философии, в частности у Аристотеля, различались подлунный и надлунный миры. Долгое время существовало представление о макрокосме как мире природы и микрокосме как мире человека, которые были дополнены, в частности, Г. Сковородой символическим миром слов. Причем макрокосм, в свою очередь, допускал множество миров. Современная наука говорит о множественности миров и как самостоятельных типах реальности, изучаемых, например, астрофизикой и умещающихся в одну картину мира, и как фрагментах одной реальности, изучаемой разными науками, дающими разные картины мира.

Наиболее изученным образцом картины мира является физическая картина. Но если мир физики и физическая картина мира при всем их различии совпадают по широте охвата реальности, если мир биологии и биологическая картина мира также соотносимы в указанном смысле, то вероятно подобное утверждение справедливо относительно мира гуманитарного знания и гуманитарной картины мира. Когда последняя выходит за пределы своего мира, претендуя на отображение универсума, она перестает быть «дисциплинарной онтологией», приобретает

метафорическое, аксиологическое звучание.

Вместе с тем человеческое отношение к миру не может замыкаться в рамки сотворенного человеком мира. Поэтому, подчеркивая человеческое отношение к миру в противоположность объективистскому научному «холодному» подходу, говорят о «теплой картине мира» как человеческой интенциональности [11, с. 10-13], потребности «ценностно окрасить мир, наполнить его смыслом, сделать сопричастным человеку и общечеловеческой культуре» [3], необходимости диалогического, «встречающего» подхода к миру [4, с. 20] и т. д. Однако «холодный» и «теплый» подходы являются взаимодополнительными [11, с. 16-17] также, как монологический и диалогический, онтологический и аксиологический, объектный и субъектный и т. п. Они могут успешно применяться как к миру вещей, так и к человеческому миру. Следовательно, и гуманитарная научная картина мира при всей своей специфике может рисоваться подобным двойственным образом.

Термин «картина» предполагает изображение, то есть фиксацию того, что человек считает важным, главным, существенным, а не точную копию оригинала [10, с. 41-62]. Иными словами, человек как автор картины дистанцируется от изображаемого мира, утрачивает ту неразрывную связь с ним, которая ранее делала мир своим. Это означает, с одной стороны, что человек как автор начинает ощущать свое могущество, способность свободно конструировать изображение мира и сам мир, а с другой стороны, формируется отстраненное, «холодное» отношение к миру как чему-то чуждому. Человек уже не частичка космоса как в античности, а отстраненный наблюдатель, которому нужно точное, объективное знание, и творец, который конструирует и это знание, и свой, человеческий, мир, на котором опять же воспроизводится двойственное отношение — свое-чужое, субъективное-объективное, теплое-холодное, конструирование-отражение.

Видение мира как картины особенно утверждается в ходе формирования классической науки, прежде всего механики, хотя предпосылки складываются в предшествующую эпоху, когда чародей-алхимик становится ученым, искусник — техником, а между человеком и миром постепенно возводится его механическая картина. С течением времени образ мира как механических часов, сменился образом потока и поля, в картину мира внедрились представления о генах и цивилизациях, биосфере и ноосфере, нестационарной Вселенной и синергетических процессах. Но по-прежнему едва ли не главной целью научной картины мира является представление МЕХАНИЗМА функционирования или развития Вселенной, человека, общества. Подобное стремление

омертвить мир имеет известный смысл: такой мир проще объяснить, им легче управлять, морально оправданно в нем господствовать и его использовать.

Попытки противостоять вышеозначенной картине мира имели место и в новое, и в новейшее время, как в философии, так и в науке, в том числе в стремлении конституировать гуманитарные науки, что, с одной стороны, подразумевало гуманитарную научную картину мира, а с другой — сеяло сомнения в научности такой картины и таких отраслей знания по сравнению с естественными науками. Последнее обстоятельство является одной из причин того, что понятие гуманитарной научной картины мира так и не сформировалось.

Объектом исследования гуманитарных наук обычно провозглашается социокультурная реальность как все то, что сотворено человеком, вместе с тем, что находится в его внутреннем мире. Исключается отсюда техника как предмет технических наук и иногда — социальная реальность, если социальные науки: социологические, политологические, экономические и т. п., — провозглашаются самостоятельными и не включаются в гуманитарные. Однако различать гуманитарные и негуманитарные науки путем перечисления объектов или фрагментов реальности довольно трудно. Например, человек как часть реальности является предметом изучения и гуманитарных, и естественных наук. В ограничении предмета гуманитарных наук можно воспользоваться идеей М.М. Бахтина: «Гуманитарные науки — науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [1, с. 285].

Отсюда требование диалогичности познания: в естественных науках «только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [1, с. 363]. Включенность в диалог предполагает постоянное изменение познающего субъекта и невозможность дистанцирования от познаваемого субъекта. И, собственно, текстуальность гуманитарных наук имплицитно предполагает неоднозначность и неопределенность, в частности, вследствие различных интерпрета-

ций текста.

Следовательно, гуманитарная картина мира должна, во-первых, иначе соотноситься с реальностью по сравнению с естественнонаучной, во-вторых, учитывать текстуальность и диалогичность своего объекта-субъекта. Она вынуждена строиться по «теплому» варианту. В то же время объективная, устойчивая, дистанцированная от познаваемой человеческой реальности, холодная картина по типу естественнонаучной, будучи не вполне адекватной своему миру, также необходима. Ведь описываться и объясняться гуманитарный мир, как и любой другой, должен объективным, «бессубъектным» способом.

Подобный вывод напрашивается и при рассмотрении познания, направленного на результаты человеческой деятельности. Социальные учреждения и культурные нормы могут восприниматься современным человеком и изучаться наукой как объективные, естественные, сформировавшиеся при определенных социальных отношениях и в определенных структурах как бы независимо от субъекта. В частности, вполне естественно было бы рассматривать некоторый текст и его автора как естественные данности, которые обладают известной самостоятельностью и определяют тот дискурс, в котором рассматриваются. В то же время, как показал М. Фуко, все может обстоять наоборот: и автор, и его текст являются функциями дискурса, а отнюдь не естественными данностями. Например, именно дискурс литературоведческих исследований определяет понятие автора, его роль и значение, в частности для рубрикации литературных работ, а не естественность данного человека, создавшего некое произведение. К тому же, отнюдь не всегда понятие автора имеет решающее значение для понимания текста.

Концепция Фуко, не отменяя научной объективности, позволяет понять ограниченность наивного натурализма в гуманитарном знании, выражающегося в представлении о том, что это знание относится к человеку как таковому, как самоочевидной реальности, якобы совершенно независимой от процедуры построения знания о ней. Фуко приводит пример психиатрии XIX века, где знание являлось не суммой общепринятых истин, а совокупностью практик, единичностей, искажений и ошибок. Такого рода знание — это пространство, в котором субъект может говорить об объектах, с которыми он имеет дело в своем дискурсе. Там не обязательны предельные обобщения, объекты не независимы от субъекта. Это не нечто стабильное, а «поле координаций и субординаций высказываний, в котором определяются, появляются, применяются и трансформируются концепты» [9, с. 182].

Осознание ограниченности наивного натурализма в понимании ка-

ртины мира и ее отражательного, «холодного» характера, понимание зависимости реальности от построения знания о ней существенно и для современной психологии как одной из основных гуманитарных наук: «Психологическое исследование весьма специфично по сравнению с сциентистски-натуралистическим образом психологии: из психологического исследования невозможно исключить самого исследователя, его присутствие в качестве одного из условий существования изучаемого объекта» [5, с. 42].

Подобное осознание характерно для культурологии, политологии, истории. Действительно, объект исследования, например, психология данного индивида или историческое событие обычно находится под влиянием исследователя, а то и фактически сконструировано им или находится в стадии конструирования, например в психотерапии, когда корректируется личность пациента, или в избирательных технологиях, когда создается имидж кандидата или формируется общественное мнение. Небезынтересно, что конструируемый объект, особенно, если речь идет о личности, скажем, ее психологических характеристиках, почти никогда не соответствует в полной мере не только картине мира, но даже теории [6, с. 80]. Это свидетельствует о том, что влияние исследователя-творца не безгранично, а исследуемый и конструируемый объект обнаруживает свою относительную независимость. Здесь также проявляется необходимость взаимодополнительного подхода, включающего и диалогичность, и монологичность в исследовании гуманитарной реальности и построении ее картины.

Иное, чем в естествознании, соотношение реальности и картины мира демонстрируют и исторические науки, в которых также бросаются в глаза изменчивость и неопределенность исследовательского поля и проблематичность независимого от познающего субъекта существования объекта познания, и невозможность точного и однозначного описания прошлых событий и целых эпох. С одной стороны, историк описывает реальные, происшедшие в прошлом события. Но с другой — исследователь выделяет именно данные события, исходя из своего исследовательского интереса. Причем эти события даны ему некоторым историческим документом, написанным некоторым автором. Даже если автор никак не истолковал записанные события, он все равно их почему-то выделил, оставив тем самым свое присутствие, свой голос в документе. Таким образом, реальность никак не дается нам «сама по себе», она говорит множеством голосов, которые эту реальность интерпретируют и даже могут изменять до неузнаваемости. В частности, в одном контексте данное событие может быть отмечено

как существенное, а в другом быть опущено как несущественное. Даже если не учитывать идеологическую заангажированность, все же поверить в однозначность, полную объективность, «холодность» исторического описания трудно, хотя без выполнения этих требований о научности истории не может быть и речи.

Тем не менее, очевидно, что реальность в исторических документах представлена. Но о ее репрезентации можно говорить лишь в определенном смысле, в рамках выделенного исследователем голоса, когда выявлены намерения, цели и вообще контекст исследуемой эпохи. Тем самым вопрос о «подлинной» реальности снимается. Можно говорить о множестве реальностей, одна из которых предпочтительнее других по некоторым основаниям. А основаниями как раз и является некоторая картина истории или данной эпохи как, например, столкновения выдающихся индивидуальностей или безличного экономического механизма, или столкновения классовых интересов и т. д. Сама же исходная историческая картина должна осознаваться в своей объективности и субъективности, диалогичности и монологичности.

В этом контексте существенным оказался так называемый лингвистический поворот как мощная методологическая самокритика, которой подвергла себя западная историография во второй половине XX века. Тогда обратили внимание на обусловленность исторических концепций не только фактами и даже не только философскими и идеологическими убеждениями и предрассудками историков, а, прежде всего, законами языка, применяемого в повествовательных целях, особенно схемами рассказывания. Так определился нарративный подход в исторической науке и вообще в гуманитарных исследованиях.

Необходимым условием нарратива является развивающийся во времени сюжет. Осюжеченная реальность мгновенно теряет всю свою естественность. А ведь нарратив представляет собой универсальную характеристику человеческого восприятия мира в том смысле, что нет, по-видимому, ни одной культуры, в которой отсутствовали бы те или иные его виды. Любая известная человечеству культура была культурой рассказывающей истории [2, с. 30]. Нарратив является неустрашимым элементом социокультурной реальности, в которую он включен различным образом. Это позволяет ему быть и формой представления знания, и способом социализации личности, и средством конструирования реальности. Нарратив не отменяет иные формы организации знания, но их исследование неадекватно без учета нарративной структуры. Выполняя репрезентативную функцию, нарратив сам конструирует представляемую реальность, например, представляя ее то

стабильной, то прогрессивной, то регрессивной.

Тем не менее, успешное развитие гуманитарных наук демонстрирует возможность адекватного описания, а значит и рационального, в том числе «холодного», представления познавательных ситуаций, методов, проблем и способов их решения. В этой связи положительный ответ на вопрос о возможности построения как «теплой», так и «холодной» научной гуманитарной картины мира не кажется невозможным. Тем более, что история развития гуманитарного знания свидетельствует о том, что общие представления и схемы исследуемой реальности, напоминающие по своему строению и функциям картину мира, подобную естественнонаучной, имели место, хотя и не конституировались в качестве особой системы знания, именуемой картиной мира, как это было в методологии естественных наук. Эти представления и схемы аккумулировали знания об основных объектах реальности, строились коррелятивно схеме метода, выражали идеалы и нормы науки, имели философские основания, то есть соответствовали основным характеристикам научной картины мира. Поэтому их можно назвать гуманитарной картиной мира.

Главным объектом исследуемой реальности, воплощенным в данной картине мира, поначалу был текст. Он остается таковым и сейчас, но специфицировался в концепции Фуко как дискурс, а в трудах постструктуралистов и постмодернистов как нарратив. Адекватным исследуемой реальности методом было провозглашено понимание, подвергнутое основательному и разностороннему анализу в различных герменевтических концепциях. Многообразие философских доктрин, возникших в русле гуманитарной проблематики представляет глубокие и перспективные идеи, не только фундирующие гуманитарную картину мира, но и обеспечивающую ей плодотворное применение, порой и за рамками гуманитарных дисциплин. Не случайно нарративная картина мира задействована уже при анализе естественнонаучного знания [13, р. 106], а некоторые авторы даже примеряют к естественнонаучной сфере филологическую модель [12].

Представляется важным в этой связи различать конструктивные и познавательные функции гуманитарной картины мира. Их полезно различать и в естественнонаучной картине, ведь уже вряд ли кто верит в зеркальное отражение теорией объективной реальности. В гуманитарной деятельности конструктивная функция распространяется не только на картину реальности, но и на сам объект, который может «давать сдачи» познающему субъекту, когда «теплое» отношение субъекта к объекту превращается в горячие взаимоотношения субъекта и объе-

кта-субъекта. Однако этот факт не отменяет необходимости изучения и «холодного» познания такой конструкции, будь это описание исторического события или «выправленная» психотерапевтом психология индивида, тем более что современными технологиями и психопрактиками возможно создание любых мифов, внушение любых побуждений, формирование потребности в любом товаре, манипулирование массовым сознанием.

В качестве вывода отметим, что важная особенность гуманитарного познания состоит в том, что сначала создается картина реальности или конкретного объекта, под которую формируется сам объект. Это отнюдь не означает, что объект уже познан до своего создания: вопрос о многих его свойствах остается открытым, ведь картина не может быть полной копией реальности. Просто познавательные вопросы приобретают иную направленность. Если в естественнонаучной картине мира правомерен вопрос о соответствии картины реальности, то в гуманитарном познании наоборот: насколько реальность соответствует картине мира? Картина в этом случае, при всей ее двойственности, неопределенности, диалогичности, текстуальности, нарративности вполне может быть объективной, т. е. не зависеть от произвола субъекта, выражать определенные назревшие потребности общества, человечества, государства, быть признанной научным сообществом, интересующимся объективной.

1 Литература

- [1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
- [2] *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. // Вопросы философии. — 2000. — № 3.
- [3] *Ильин В.В.* Теория познания. Введение. Общие проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1993.
- [4] *Лифинцева Т.П.* Философия диалога Мартина Бубера. — М.: Изд-во ИФРАН, 1999.
- [5] *Психология и новые идеалы научности (материалы круглого стола)* // Вопросы философии. — 1993. — № 5.

- [6] *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- [7] *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. — М.: Контакт-Альфа, 1995.
- [8] *Степин В.С.* Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. — Минск: Изд-во БГУ, 1981. — С. 10-64.
- [9] *Фуко М.* Археология знания. — К.: Ника-Центр, 1996.
- [10] *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 41-62.
- [11] *Цофнас А.Ю.* Комплиментарность мировоззрения и миропонимания // Философская и социологическая мысль. — 1995. — № 1-2.
- [12] *Шукин В.Г.* О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. — 2004. — № 10.
- [13] *Tomlinson B.* Phallic fables and Spermatic Romance: Disciplinary Crossing and Textual Ridicule// Configurations. — 1995. — № 2.